

Або Тбилели.
Арабский парфюмер – протектор Тифлиса *

Е. Г. Маргарян

РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. Проводится экзегетический анализ современной грузинской православной иконы, изображающей грузинского святого, небесного покровителя города Або Тбилисского. Грузинский святой арабского происхождения изображен стоящим на Метехском мосту на фоне города. Каждая деталь в иконе имеет символическое значение и подвергается семиотическому анализу. Это относится к грузинскому кресту в руках святого великомученика, золотому нимбу над головой, его одеянию (тюбан, хитон и гиматий), ландшафту (река, горы и сады) и самому городу и его строениям (церкви, башни, мост), небу над головой. Рассматриваются особенности иконографического стиля. В качестве основного источника использовано агиографическое произведение средневекового грузинского автора Иоанэ Сабанисдзе «Мученичество Або Тбилели». Анализ иконы дает возможность показать, как формировалась сакральная история города.

Ключевые слова: семиотика иконы, небесный покровитель города, Иоанне Сабанисдзе, иконописная фреска, экзегеза.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке АГНФ в рамках научного проекта № 18Т-6А220.

Маргарян Е. Г. Або Тбилели. Арабский парфюмер – протектор Тифлиса // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 286–301.

УДК 74/77:7.01:003, 81-81, 2-522.2

DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-286-301

Контактная информация: Маргарян Ерванд Грантович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всемирной истории и зарубежного регионоведения Российско-Армянского (Славянского) университета (Ереван, Армения, ervand.margaryan@gau.am); ведущий научный сотрудник Института истории НАНА.

Иконы, словно раскрытые книги, которые говорят лучше слов, – надо только научиться читать их. И тогда любая, даже незаметная деталь иконы – бахрома, застежка плаща или нашитая на одежду полоска, – раскроет перед нами глубокие богословские тайны, укрепит в вере и научит истинам Православия

*Сестры Ново-Тихвинского монастыря
4 августа 2009 г.*

Недалеко от церкви Метехи ¹, в самом центре Тбилиси, на живописном берегу Куры, прямо у воды стоит часовенка, привлекающая внимание как верующих, так и туристов. В часовенке можно увидеть современную фресковую икону, изображающую христианского мученика со странной, нестандартной для православного святого внешностью. Прежде всего его отличают ярко выраженные этнические черты, указывающие на его не местное, ближневосточное происхождение. Смуглая кожа, семитические черты лица, тюрбан выдают в нем человека не кавказского, не армянского и не греческого происхождения. Это, действительно, местночтимый грузинский святой, великомученик арабского происхождения, чья память традиционно отмечается 8 января. Его почитание, составление икон и житий поначалу ограничивались городом Тифлисом. Но, как это часто бывает, со временем его культ вышел за рамки Тифлисской церковной общины

¹ Церковь Метехи посвящена св. Шушаник, княгине Ранской (настоящее ее имя Варданухт, в честь отца, а ласкательное – Шушаника), дочери спарাপета Вардана Мамиконяна, павшего вместе со своими соратниками за веру Христову в войне против зороастрийцев в 451 г. За это Вардан и его соратники были причислены Армянской Апостольской церковью к лику святых. Будучи женой областеначальника (питиашх, бдешх) Гугарка Вазгена, Шушаник вступила в агон со своим веротступником мужем, который ради земных благ отверг христианство и предпочел маздеизм. Несмотря на огромную власть, Вазген не смог сломить ее волю и принудить к отступничеству. Шушаник стала духовной девственницей. Своими подвигами воодушевляла слабых духом, укрепляла колеблющихся. Приняла мученическую смерть в темнице в 475 г. Стала небесной патронессой Грузии.

и стал общенародным, проникнув даже в лик (разряд) некоторых халкидонитских национальных конфессий.

Как же случилось, что выходец из далекой Аравии стал одним из самых почитаемых святых в Грузии и вдобавок одним из покровителей Тифлиса? Согласно легенде, некий молодой араб по имени Або² попал в Тифлис в 775 г. и остался здесь навсегда. Это были трудные для христианской веры, впрочем, и для Грузии в целом времена. Дело в том, что еще в VII в. Восточная Грузия – Картли, была завоевана арабами и стала одной из административных единиц Арабского халифата. Во второй половине VIII в. арабы начинают проводить целенаправленную политику заселения Армянского нагорья и Южного Кавказа арабскими кочевыми племенами. Мигранты значительно изменили демографическую картину многих завоеванных стран. В особенности изменился облик городов. Тифлис не стал исключением. Начиная с середины VIII в. мусульманское население Тифлиса стало расти, составив значительный процент. «Ислам стремительно распространяется в основном по той причине, что он крайне требователен в вопросах нравственности. Мусульмане во время сражений щадили иноверцев, склонивших головы под мечи (т.е. сдавших на милость победителя). Отношение мусульман к христианам совершенно несравнимо с тем, что допускали папы и короли в отношении верующих»³.

Объединив страны и племена в единую империю, арабы, в некотором роде, стали распространителями культурных наработок подчиненных им народов на просторах трех материков. Но прежде остального арабы несли завоеванным народам ислам. В кратчайшие сроки огромная часть населения Арабского халифата была исламизирована. Не стала исключением и Грузия, особенно Тифлис. При этом нет оснований полагать, что мусульмане Тифлиса были исключительно арабами, определенную их часть традиционно составляли персы, курды и картлийцы. Особое место среди мусульман занимала иверийская знать. Как и некогда, в эпоху Сасанидов, грузинские нобили стремились любой ценой добиться почета и должностей при дворе арабского эмира, пусть даже ценой отказа от халкидонского православия и принятия принесенной завоевателями религии. Некоторые грузины, перейдя в ислам, стремились облегчить налоговое бремя или избавиться от разного рода притеснений. По этому поводу грузинский писатель VIII в. Иоанэ Сабанидзе писал: «Некоторые из верующих, поработанные насилем, скованные как бы железом бедностью и нищетой и изнашивающие под тяжестью их дани, безжалостно истязаемые, подавлены страхом и колеблются как тростник от сильного ветра» (ДГЛ, 1982, с. 735). В этих строках сквозит беспокойство Сабанидзе по поводу душ слабых

² Або Тбилисский, или Або Тбилели, Хабо Тпилели (родился в 757 или 758 г. в Багдаде, погиб 6 января 786 г. в Тифлисе).

³ Из книги английского ученого лорда Джонна Давенпорта «Мухаммад блаженный и священный Коран» (1869).

и колеблющихся, готовых в любой момент оставить веру Христову и перейти в ислам.

Практически все современники свидетельствуют о том, что грузинский халкидонизм переживал в эту эпоху тяжелые времена. В условиях массового вероотступничества необходим был пример, способный поддержать стойких в вере и подбодрить колеблющихся, некое экстраординарное событие, способное посрамить завоевателей и вероотступников, укрепить веру и подтвердить силу христианского вероучения. С этой целью католикос Иверии Самуил VII заказал Иоанэ Сабанидзе, человеку образованному и обладающему безусловными литературными способностями, создать какой-нибудь апологетический труд.

Так появилось «Житие» Або Тбилели. Этот литературный памятник – один из древнейших источников по истории Грузии. Подобно большей части произведений той эпохи, «Житие» – компилятивное сочинение (ПЖСГЦ, 2000, с. 45–46), созданное под влиянием проповеди Василия Великого о 40 Севастийских мучениках, Ареопагитик, а также ранних армянских и грузинских житий (ПЖСГЦ, 2000; Кекелидзе, 1956, с. 31–33). Сочинение входило в состав различных сборников житий и неоднократно перерабатывалось. Главный герой «Жития» араб-мусульманин, обосновавшийся в Тифлисе в годы правления халифа Махди (775–785). Согласно традиции, Або был парфюмером и занимался в Багдаде изготовлением благовонных масел. Прибыл он в Тифлис в 775 г. в свите правителя Картли Нерсе, который до этого по доносу был арестован и три года провел в багдадской тюрьме, но сумел оправдаться и с разрешения халифа вернулся на родину.

В период своего пребывания в Тифлисе злейший враг христиан Або часто вступал в богословские дебаты с христианами, но, вникнув в суть христианского вероучения, изменил свое отношение к «зимиям»⁴, встав на их сторону. В 781 г. из-за новых наветов своих соплеменников Нерсе был вынужден бежать в Хазарию, а с ним и Або, который во время пребывания в Беленджере крестился, а после подвижничал в Абхазии. В 782 г. он вернулся в Тифлис и стал проповедовать христианство среди арабов. В 785 г. по приказу арабского эмира он был брошен в тюрьму за прозелитизм и в день Крещения господня обезглавлен. Чтобы мощи его не стали объектом почитания для христиан, тело его было облито нефтью и сожжено, а пепел в овечьей шкуре был брошен в Куру под мостом. «Когда стемнело, в час ночи, Бог ниспослал на то место звезду, блиставшую как огненная лампада; она долго стояла над тем местом, где был сожжен блаженный

⁴ Зиммй или Зймми (буквально «люди договора») – собирательное название немусульманского населения (в основном тех, кто исповедовал христианство, иудаизм, зороастризм и проч.) на территории государств, созданных или завоеванных мусульманами и живших по законам шариата.

мученик Христа. Она висела высоко в воздухе до трех часов ночи, даже больше, и испускала сияние не огня земного, но страшной молнии.

Ее видели все горожане, амир-судья тот, весь народ и все живущие там христиане, сарацины и пришедшие из других стран путешественники» (Сабанидзе, 1956, гл. 3). На другой день, 7 января, на этом месте было видение столпообразного света, проистекающего из воды к небу. Согласно преданию, столп света появлялся еще не раз над местом, где принял мученическую смерть святой Або, пока в XIII веке здесь не был возведен знаменитый Метехский храм [Attwater, John, 1993].

В сочинении Сабанидзе все помыслы автора направлены на то, чтобы донести до иверов значение мученической смерти Або. Если ради веры Христовой пожертвовал своей жизнью чужеземец, «семя аравийское по отцу и по матери», разве пристало «картлийцам ошибаться и отступать от праведного пути», пусть даже по причине «насилия», «обмана» и «коварства», ради мирских благ и иных преходящих ценностей пресмыкаться перед верой «властителей» и «господствующих». Несмотря на общую апокалиптическую тональность, характерную для авторов той эпохи, Сабанидзе заканчивает свое произведение довольно оптимистично. Согласно его утверждению, «через него (Або. – *Е. М.*) обновилась любовь Христа к нам, и вера наша в Него, ибо мы смешались с народом чуждым, с хулителем веры нашей...» (Сабанидзе, 1956, гл. 3).

Даже если в реальной жизни не было такого мученика, то его нужно было придумать. Однако едва ли эту легенду о христианском мученике можно считать характерным примером своего времени. В реальной жизни все было иначе: значительная часть населения Грузии, как правило, принимала ислам без принуждения. Но верно и то, что ислам не терпит прозелитизма и жестоко наказывает вероотступников, чтобы не создавать прецедентов. Таким образом, если был реальный прототип Або, то его вполне могли наказать как предателя в назидание другим. При этом арабы с особым недоверием относились к грузинским халкидонитам (считая, и не без оснований, что за их спиной стоит византийская церковь и поддерживающие ее имперские власти), но довольно лояльно относились к армянской апостольской церкви.

В целом же тифлиские эмиры из рода Шуабидов и, особенно, сменившие их в 80-х гг. IX в. Джафарида, отличались толерантностью и веротерпимостью не только в отношении христиан, но и иудеев. Не случайно при арабах в Тифлис в большом количестве стали переселяться не только грузинские (мцхетские) евреи, но и евреи из других подвластных халифату стран⁵.

⁵ Во второй половине IX в. в Тифлисе возникла еврейская секта тифлиситов, т. е. тифлисцев, отрицавшая некоторые положения Галахи. Эта секта (караимы) была основана уроженцем Багдада Мусой (Моше) ал-За'афрани (известен также как Абу Имран ал-Тфлиси) и просуществовала до XII в. Секте пришел конец при

Что касается Або Тбилели, то его как святого великомученика почитают не только грузины, но и христиане-халкидониты во многих странах.

Возвращаясь к иконе в часовне у Метехского моста над Курой и другим иконам, изображающим небесного покровителя Тифлиса, отметим, что при всей своей современности, она вполне укладывается в рамки халкидонитской иконографической традиции. Иконописная фреска, изображающая Або Тбилели, относится к *путному* типу икон, изображающих небесного покровителя города. Это икона *ростовая*, по технике исполнения смешанная, мозаично-живописная. Икона написана на золотом фоне. Материалом для этого фона являются тонкие листы сусального золота, накладываемые на клей поверх левкаса и затем тщательно разглаживаемые. Золото использовано также для отделки различных элементов одежды.

Попробуем провести дешифровку языка иконописи и идеографических приемов этой современной грузинской настенной фрески, разобраться в некоторых деталях и скрытых смыслах иконографии Або Тифлиского. Начнем с того, что любое иконописное изображение обязательно семиотично и может выступать не только в качестве обозначения некоторого священного архетипа (своего денотата), но в определенных случаях и в качестве архетипа для другого изображения. Вместе с тем любая фреска, миниатюра или икона, как правило, несет в себе коммеморативную функцию⁶. Эти иконописные изображения призваны напоминать зрителю о нуминозных сюжетах и тем самым возобновлять почитание святых великомучеников и патронов города, возобновлять чудотворность их икон.

Известна и другая функциональная особенность иконописных фресок – их дидактическое предназначение. «Так, еще Нил Синайский (V в.) писал, что иконы находятся в храмах “с целью наставления в вере тех, кто не знает и не может читать священное писание”. Ту же самую мысль – и почти в тех же выражениях – находим у папы Григория Великого (VI–VII вв.): обращаясь к епископу Массилии, он замечает, что неграмотные люди, смотря на иконы, “могли бы прочесть то, чего они не могут прочесть в рукописях”. По словам Иоанна Дамаскина (VIII в.), “иконы являются для неученых людей тем, чем книги для умеющих читать; они – то же для зрения, что и речь для слуха”» (цит. по: [Успенский, 1995, с. 225]).

Итак, начнем с композиции иконы. Або предстает перед зрителем во весь рост, стоящим на мосту над рекой. За спиной у него изображена Кура и средневековый Тифлис с узнаваемыми строениями башен и церквей, что должно указывать на его связь с городом и христианской верой. Характер-

царице Тамаре, после того как евреи в конкуренции с армянами потерпели экономическое и политическое поражение, а затем и вовсе были вытеснены армянскими мокалаками, захватившими всю торговлю и ремесленное производство в городе.

⁶ П. А. Флоренский писал о VII Вселенском Соборе, установившем догмат иконопочитания: «Искусство “напоминаательно”, по учению отцов VII Вселенского Собора» [1994, с. 69].

но, что в нижнем правом углу имеется изображение и самой часовенки, где находится икона. Таким образом, икона изображает локус, в котором она находится, т. е. икона изображает самое себя. Поза святого, особенно предупреждающе-останавливающий жест левой руки, доминирующие размеры его фигуры, как и то, что Тифлис уютно расположился у него за спиной, указывают на то, что Або является защитником и покровителем города.

Над головой святого великомученика, как и положено, присутствует изображение нимба – символа святости и особого избранничества Божия. На голове у него обязательный пророческий головной убор, правда, отличный от тех, что традиционно можно увидеть на пророках и святых мучениках с византийских икон. Голова Або покрыта белым тюрбаном. Хорошо прорисована одежда святого. Одет он в хитон (нижнюю одежду в виде рубахи до щиколоток) и гиматий (верхнюю одежду в виде плаща – обязательный атрибут ветхозаветных и раннехристианских персонажей). В иконографии великомученика, согласно традиции, используется красный цвет как образное выражение страданий за веру, красные одежды мучеников – символ пролитой ими крови. В правой руке Або держит золотой крест.

Золотой крест символизирует возрождение, спасение и вечную жизнь (после смерти). В Передней Азии, особенно в соседней с Грузией Армении, еще в древнейший период крест ассоциировался с деревом жизни и был символом умирающего и воскрешающего божества. В христианскую эпоху это нашло отражение в форме и орнаментировке армянского креста, который несет в себе особый посыл – крест не орудие пытки, но символ Вечной жизни. Но прежде всего христианский крест символизирует идею «крестного» выбора, добровольную жертву Христа. Для святых апостолов и святых великомучеников крест также обозначал добровольный выбор Христова пути. В послании галилеянам апостола Павла имеется сакраментальная фраза: «Я сораспялся Христу», т. е. стал подобен Христу, полностью принял Его учение. Носить на себе крест – значит быть «сораспятым», иначе говоря, быть адептом Его учения.

Вместе с тем золотой крест – символ церкви.

Золотой свод над головой святого великомученика также не случаен. Золото всегда имело особое символическое значение в древних культурах. В христианской иконографии этот драгоценный металл используется в качестве символа чистого света – небесной стихии, в которой пребывает Бог. Вместе с тем золото означает божественность, божественный промысел, бессмертие, славу и духовное озарение – все то, что поистине ценится (также и в сфере духовной), золото – символ мудрости, эзотерического знания, тайн Земли. Поэтому крест в руках Або Тифлисского золотой.

Белый *тюрбан* на голове святого не просто элемент восточного колорита – это денотат принадлежности к арабскому Востоку, впрочем, как

и к Исламу в целом. Белый цвет – символ чистоты помыслов и намерений. Кроме того, белый цвет, как и золотые лучи, символизирует нетварный Божественный свет⁷. На Востоке, причем не только мусульманском, ношение тюрбана призвано было номинировать его носителя как человека умного, наделенного мудростью, духовностью и властью.

Одежда Або написана в соответствии с византийскими канонами изображения облачения преподобномучеников⁸. Преподобные имеют особые одеяния – хитон, мантию, клобук (в случае Або – тюрбан). Эта монашеская одежда, непохожая на мирскую, символизирует новое одеяние правды и радования, нетления и чистоты – одеяние, сотканное из добродетелей, в которое облачается человек, отрекшийся от мира и всего, что в мире. Каждая из монашеских одежд имеет особое значение: хитон напоминает о терпении добровольной нищеты, тесноты и скорбей, за которыми следует неземная радость. Мантия, длинная без рукавов накидка, застегнутая на вороте, у первых христиан была символом отречения от идолопоклонничества, а затем стала облачением исключительно монашествующих.

Среди атрибутов святого прежде всего бросается в глаза *грузинский крест*. Согласно преданию, из рипсимянских дев, подвергшихся гонению и мученической смерти в Великой Армении где-то на рубеже III–IV вв., спаслась лишь св. Нунэ (груз. Нино), родом из Каппадокии или Малой Армении. Ей удалось бежать из столицы Армении Валаршапата (Эчмиадзин) и найти приют у простых аграриев в пригородах Мцхеты. Для того чтобы нести веру простым людям, ей нужен был простой символ, понятный и знакомый этим людям. Тогда она взяла виноградную лозу и прядь своих волос и сплела из этих материалов крест. У него получились немного опущенные перекладины. С тех пор этот крест стал символом христианства на грузинской земле.

Крест из перекрещенных ветвей виноградной лозы имеет глубокое символическое значение. Виноградная лоза в Передней Азии – это прежде всего символ плодородия и жизни, Древа Жизни, а в некоторых традициях – Древа Познания. Лоза олицетворяла умирающее и воскресающее божество, а вино – кровь земли. Лоза с гроздьями винограда символизирует плодородие и страсть, дикая лоза – лживость и вероломство. С приходом христианства лоза и вино приобрели новую, дополнительную коннотацию. Отныне Христос стал воплощением истинной лозы, а последователи – ветвями ее. Также лоза символизирует церковь и верующих. Изображенная как Древо Жизни с голубями, отдыхающими на его ветвях,

⁷ Евангельское описание преображения Господня в белый цвет символизирует победу жизни над смертью, нетленного духа над тленной плотью: «Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить» (Мк. 9, 3).

⁸ См.: Православные иконы. URL: <http://www.tsurganov.info/svjatyje/odezhda-svjatyh-na-ikonah.html/>.

виноградная лоза символизирует души, отдыхающие во Христе, и духовное плодородие. Лоза с колосьями хлеба символизирует евхаристию, а вино – «кровь Христову».

Другим символическим знаком в рассматриваемом нами иконографическом пространстве является *река*, текущая вверх. Текущая вверх вода означает «возвращение к истоку» – это возврат к изначальному, райскому состоянию с целью обрести просветление. Река – это крестная купель города, Иоанн Креститель крестил в Иордане – реке, в которой Нееман очистился по указанию Елисея. Купели часто украшаются символическими изображениями райских рек. Вода для крещения символизирует священный Иордан, в котором был крещен Иисус. Не случайно Або принял мученическую смерть на мосту реки, потом его тело было брошено в речную воду, и из реки божественный свет снизошел на город, обороняя его как невидимой стеной от бед и напастей. В Иверском патерике имеются следующие строки, посвященные утоплению в Куре мошей Або Тбилели: «...волны Куры стали для костей святого одеждой, и глубина реки – гробом мученика, дабы нечестивая рука противников Христа не коснулась их» [Сабинин, 2006, с. 238]. В раннехристианском богословии мученичество зачастую осмыслялось как крещение кровью [Василик, 2009, с. 109]. Параллель между Богоявленским празднеством и мученичеством заложено в самом житии: «В сей день Господь вошел в иорданские струи для крещения и сокрушил главы змиев в глубине вод Своим Божеством. Подобает и мне в день сей совлечься тела моего, служащего одеждой душе моей, и войти в глубину вод в этом городе и креститься кровию моею» [Сабинин, 2006, с. 234].

Раннехристианское искусство изображает его или Агнца, стоящим на вершине горы, из которой изливаются четыре речных потока. Согласно древней (вавилонской) традиции, существовало четыре священных райских реки: Фисон (Пизон), Геон (Гихон), Тигр и Евфрат; проистекающих из скалы в Великой Армении. Они были символическим воплощением четырех Евангелий, исходящих от Христа.

В то же время реки представлялись как границы, разделяющие миры живых и мертвых. В обрядах прохода и при «путешествиях» из одного состояния в другое движение обычно мыслится как переправа через реку жизни или смерти. Если путешественник направляется к устью реки, это рассматривается как возврат к своим истокам, в прямом и фигуральном смысле. В целом путешествие через реку приобретает символическое значение опасного перехода⁹. В случае с Або река воплощает переход от неверия к вере, от профанного состояния к просветленному, от человеческого к нуминозному. И сам Або, преодолевший эту реку ценой собствен-

⁹ Подробнее об этом см.: [Пропп, 1946; Маргарян, 2011].

ной жизни, стал, подобно Юлиану Госпиталиту [Холл, 1996] и Христофору [Woods, 1994], паромщиком душ.

Поэтому не случайно под ногами св. Або Тбилели, в самом центре композиции фрески, находится радугообразный мост, который традиционно имел много коннотаций в дохристианской мифопоэтике (подробнее об этом см.: [Маргарян, 2011]). Радуга и сама иногда изображается как небесный мост, Божье подтверждение возможности достичь Неба. Во всех эзотерических учениях мост, как и переправа, традиционно считался местом перехода из одной реальности в другую. Во многих культурах символизировал связь того, что может быть понято [Элиаде, 1987, с. 187–190]. Даже будучи лишенным мистического смысла, мост всегда означал переход из одного состояния в другое – изменение или желание перемен.

Возведение мостов представлялось полумистическим искусством, и строительство некоторых самых красивых мостов считали результатом договора между зодчим и дьяволом. Наводка моста между будничным и иным миром в силу своей значительности требует от мостостроителя (лат. *Pontifex* – священник, жрец) сакральных знаний и принесения жертвы.

Таким образом, мост под ногами Або Тбилели самый первый и самый древний в городе. Он олицетворяет собой: сообщение между Небом и Землей, объединение человека и божества; связи с Небом и отношения с божеством; переход (через воду, разделяющую мир земной и потусторонний) в новую форму существования; индивидуация, переход из одного состояния в другое, более высокое, напоминающее о крещении в водах Иордана и вознесении Христовом; конец одного цикла и начало другого.

За спиной Або, стоящего по центру реки, справа и слева виден город с садами, домами, башнями и господствующими церквями на возвышениях, точнее на горе. Город во все времена воплощал представления людей о высшей и самой сложной форме человеческого бытия [Маргарян, 2007]. Таким образом, город – это не просто средоточие домов, но также центр религиозного и гражданского порядка, окруженный неприступными крепостными стенами и башнями. Проекционное отражение космических структур, созданное по плану и целенаправленно заложенное по координатам, в центре которого расположен земной эквивалент точки небесного вращения [Элиаде, 1987, с. 34–37]. В языческие времена в центре непременно находилось святилище бога-защитника города или богоравного героя, местного божества в ранге царя. В раннехристианскую эпоху город стал воплощением новой религии¹⁰.

¹⁰ Не случайно язычество в латыни обозначается термином *paganismus*, от *paganus*, означавшего исходно «сельский» или «провинциальный» (от *pagus* «округ»), позднее получившее значение «простолудин», «деревенщина», по причине того, что христианство в Римской империи вначале распространялось в крупных городах. Уничижительное значение «невежественный нехристь» появляется в вульгар-

Поэтому св. Августин именно город сделал «проекцией» небесного на земное, прозвав Царство Божие Градом небесным. Иерусалим представлялся идеальным городом и противопоставлялся Вавилону, позднее Риму. Практически все вербальные описания средневековых христианских городов или их иконографический образ совпадают с описанием самого главного города – Небесного Иерусалима. «И показал мне чистую реку воды жизни, светлую как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца. Среди улицы его, и по ту и по другую стороны реки, древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой; и листья дерева для исцеления народов» (Откровение, XXII, 1–2).

В Библии город представлен в образе женщины, матери, символом женского начала вообще, обволакивающей и защитной материнской силы. Город, как женщина, дает приют своим обитателям, как если бы они были ее детьми. Как было показано О. М. Фрейденберг, ворота Иерусалима – это женское лоно, а въезд Христа в город на осле в праздник святых кущей символизирует брачный союз жениха и невесты [Фрейденберг, 1998, с. 624–656]. На средневековых миниатюрах можно заметить ангела с мечом, которого нередко замещает святой покровитель города, вроде Або Тбилели. Он охраняет город-невесту для Иисуса-жениха.

Представленные на иконе башни также символичны и обозначают надежность и неприступность (как девичья неприступность и непорочность невесты).

Что касается изображенных на фреске садов, то они должны символизировать образ идеального мира, потерянный и обретенный рай; преобразованную и упорядоченную человеком природу, упорядоченный космос; Парадис, Огород, вертоград.

Многочисленные купола церквей на фреске также указывают на присутствие Бога в городе. Ведь *церковь* – это Дом Бога и одновременно Тело Христово. В то же время церковь связывается с ковчегом и символизирует спасение для всех ее прихожан. По сути, город на фреске представлен в виде теменоса [Ушрцшршш, 2005, т. 9–12]. Греческое *τέμενος* обозначало посвященный божеству, изолированный священный участок. Некоторые античные авторы используют этот термин для обозначения Священной рощи, оторванной от повседневной городской жизни, место, где человек начинает чувствовать присутствие божества, в то время как другие авторы описывают Теменос как место в самом центре города, непод-

ной латыни: в период до IV в. христиане называли язычество *religia pagana*, т. е. «деревенская вера». Латинское слово было заимствовано и в церковно-славянскую литературу в форме *поганый* «языческий», со временем приобретшей значение «нечистый, грязный». В армянском языке закрепился древний, воспринятый от греков термин «հիթրիւն» (от «το έθνος»), в то время как сами греки восприняли от латинян иной, более поздний термин *παγανισμός*.

леку от агоры, которое представляло собой часть храмов [Antonaccio, 1995].

Храм зачастую строился, исходя из космологического представления о Вселенной, и образно воспроизводил мировой порядок. Алтарь, так же как и лежащий под ним камень, вероятно, понимались как символическая гора и как центр мира.

Теменос на фреске расположен на *Горе*, которая устроена по принципу Мировой горы [Элиаде, 1987, с. 152–153] и символизирует уверенность, устойчивость, неизменность, нерушимость; путь в небо, в рай, в чистилище. В Откровении Иоанна Богослова Небесный Иерусалим представлен городом, построенным из кристаллов. Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями: основание первое – яспис, второе – сапфир, третье – халцедон, четвертое – смарагд (изумруд), пятое – сардоникс, шестое – сердолик, седьмое – хризолит, восьмое – вирилл, девятое – топаз, десятое – хризопраз, одиннадцатое – гиацинт, двенадцатое – аметист (Откровение Иоанна Богослова 21:19, 20). При этом сакральная география города и его сакральная архитектура – размещение, форма, входы и врата, общее расположение города с его храмами и цитаделями – не были случайными, произвольными или сугубо утилитарными.

На некоторых старых грузинских иконах Або изображен с ладанкой в руке. Возможно, это не просто ладанка, а сосуд с *благовониями*, ведь по профессии Або Тифлиский был изготовителем масел и других благовоний. В Египте, в шумеро-семитском мире, Персии, а позднее в Греции и Риме фимиам сжигали в ежедневных богослужениях. Ладан и смирна – два дара волхвов новорожденному Христу, были очень ценным товаром на всем древнем Ближнем Востоке. Первоначально благовония (смолы и бальзамы) использовались только при отправлении культа мертвых (с их помощью древние египтяне бальзамировали трупы и сохраняли мумии), позднее благовония стали курить, чтобы заглушить запах приносимых жертв и погребальных костров, но позднее его стали восжигать самостоятельно, как чисто символическое приношение. Воскурение фимиама в храмах богов во все времена считалось жертвоприношением. Древние вообще верили, что не мясо жертвы может снискать благосклонность божества, а именно благовоние, аромат.

Всюду в Ветхом Завете дым приносимых Господу жертв именуется благоуханием, приятным Господу. Книга Бытия рассказывает, как «*обонял Господь приятное благоухание*» жертвоприношения Ноя (Быт. 8, 21). В культе Израиля ежевечерне, на особом жертвеннике приносили в дар благовония. Никто, кроме священников, не имел права кропить раскаленные угли жертвенника смесью из ароматических трав, ладана и елея, смесью, предназначенной Самому Всевышнему, Царю мира (Сир. 50, 15).

Сжигание камеди и других пахучих смол, древесины, сухих растений или фруктов было универсальным для всех религиозных обрядов знаком

преклонения. Однако христианская Церковь, поначалу настороженно относившаяся к ассоциации между фимиамом и поклонением языческим богам и государственными похоронами императоров, скоро тоже начала использовать его, что стало общей церковной традицией курения ладаном.

Правило апостольское третье особенно одобряет обычай христиан, собираясь в храме, приносить с собой елей для лампад. Смола сама по себе была символом единения, скрепления. Кроме того, курение благовоний играет вспомогательную роль во время молитвенной медитации.

Таким образом, благовония в христианстве имели следующие коннотации:

- чистота, целомудрие,
- сладость, возносимая молитва;
- видимая связь между небом и землей, человеческим и божественным.

В заключение добавим, что икону необходимо отличать от других форм изобразительного искусства. При рассмотрении иконы наибольшее значение имеют иконография и стиль. Для иконографии характерны свои стилистические особенности. По стилистическим особенностям икона грузинская – с ярко выраженными элементами греческого иконографического стиля; налицо также некоторые элементы иконописного модерна. Конечно, в этой иконе, как и во многих других современных иконах, нет того «обаяния древности» и намоленности старых икон, простоты, органичности и величественной правды древних образов, которые отличают старые иконы от новописных. Как и работы большинства современных художников, эта икона имеет ряд недостатков «визуально-текстуального» характера. Но в целом иконописная фреска Або Тбилели высвечивает «внутренний эйдос» святого Або и патронируемого им города. Художнику удалось соединить, показать в единстве, некоторые внешние аспекты культа святого и содержание первообраза. Протоиерей Сергей Булгаков написал: «...Находя основание в традиции и развивая ее, икона имеет свою собственную жизнь и в современном искусстве, и это искусство имеет великое и прекрасное будущее. Однако искусство не рабствует канону, как внешнему закону, но его свободно приемлет как древнее видение и внутреннюю правду. Иконопись есть особая отрасль символического искусства, но она есть не только искусство, но и более чем искусство. Она есть боговидение и боговедение, дающее художественное свидетельство о себе» [Булгаков, 1991]¹¹.

Возвращаясь к иконе одного из святых покровителей города – Або Тифлисскому, добавим лишь, что важной особенностью Тифлиса является постоянное возвращение его мифической памяти к ключевым коммемора-

¹¹ См.: <https://azbyka.ru/otechnik/novonachalnym/pravoslavie-ocherki-uchenija-pravoslavnoj-tserkvi/11/>.

тивными событиями истории города, которые содержат в себе сущностное начало городского бытия. Соответствующим образом строится и пантеон мифических и полумифических персонажей, культурных героев города. В традиционном религиозном сознании город соотносится с божественными силами и энергиями, с личностью Бога – и тем самым сакрализуется в масштабе города в целом и в масштабе отдельных локусов, сакральных топосов.

Икона Або Тифлиского, чей суровый смуглый лик до сих пор служит укором и назиданием грузинам-вероотступникам, которые в зависимости от политической конъюнктуры не раз меняли богов и изменяли заветам отцов, играет знаковую роль в сакральной жизни города, который формируется из ключевых эпизодов реальной и вымышленной истории.

Список литературы

Булгаков С. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Киев: Лыбидь, 1991. 147 с.

Василик В. В. Богословие мученичества в ранней грузинской гимнографии: служба св. Або Тбилискому // *Философия, религия и культура стран Востока: Материалы науч. конф. «Пятое Торчиновские чтения»*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 103–113.

Маргарян Е. Г. Аршакаванская эллинистическая политея и Град Небесный Нерсеса Великого. М.: Изд-во РАУ, 2007.

Маргарян Е. Г. Мост в армянской и славянской мифопоэтике. Герменевтический анализ // *Критика и семиотика*. 2011. № 15. С. 5–24.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1946.

Сабинин М. И. Иверский Патерик: издание этой книги посвящается Новомученикам Российским и Иверским. М.: Изд-во сестричества во имя святителя Игнатия Ставропольского: Приход храма Святого Духа сошествия, 2006.

Успенский Б. А. Семиотика искусства. М., 1995. С. 221–303.

Флоренский П., св. Соч.: В 4 т. / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачевой. М.: Мысль, 1994. Т. 1. 797, [2] с., ил. (Философское наследие. Т. 122)

Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит., 1998. 800 с.

Фрейденберг О. М. Миф об Иосифе Прекрасном. // *Язык и литература*. 1932. Т. 8. С. 137–158.

Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве / Пер. с англ. и вступ. ст. А. Майкапара. М.: Крон-пресс, 1996. 656 с.

Элиаде М. Космос и история. Избранные работы. М.: Прогресс, 1987. 312 с.

Մարգարյան Ե. Հ. Մեծ Հայքի և Կոմմագենեի հողերի առնչությունների պատմությունից (արքայական հանգստարան՝ ó τεμένος) // Պատմություն և կրթություն, 2005, թիվ 3–4.

Antonaccio C. M. An Archaeology of Ancestors: Tomb Cult and Hero Cult in Early Greece. Rowman & Littlefield, 1995.

Attwater D., John C. R. The Penguin Dictionary of Saints. 3rd ed. N. Y.: Penguin Books, 1993.

Woods D. St. Christopher, Bishop Peter of Attalia, and the Cohors Marmaritarum: A Fresh Examination // *Vigiliae Christianae*. 1994. Vol. 48, no. 2. P. 170–186.

Список источников

ДГЛ – Древнегрузинская литература (V–XVIII вв.). Тексты: Пер. с груз. Тбилиси: Изд-во ТБГУ, 1982.

Сабанисдзе И. Мученичество Або Тбилели // Кекелидзе К. С. Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Тбилиси, 1956. Т. 1.

Кекелидзе К. С. Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Тбилиси, 1956.

ПЖСГЦ – Полное жизнеописание святых Грузинской церкви: В 3 т. (1871–1872) / Пер. М. Сабинаина. СПб., 2000.

Article metadata

Title: Abo Tbileli. Arabic Perfumer – St. Protector of Tiflis

Author: Ye. G. Margaryan

Author's e-mail: ervand.margaryan@rau.am

Author's affiliation: Russian-Armenian University (Yerevan, Armenia)

Abstract. The article provides a semiotic analysis of the modern Georgian Orthodox icon depicting the Georgian Saint, the patron Saint of the city of Abo Tbileli. A Georgian Saint of Arab origin is depicted standing on the Metekh bridge against the background of the city itself. Every detail in the icon has a symbolic meaning and is subject to semiotic analysis. This applies to the Georgian cross in the hands of St. great Martyr, the Golden halo above his head, his robe (turban, chiton and himatiy), the landscape (river, mountains and gardens) and the city itself and its buildings (churches, towers, bridge), the sky above his head. The features of the iconographic style are considered. The main source is the hagiographic work of the medieval Georgian author Ioane Sabanisdze “Martyrdom of Abo”.

Key terms: Abo Tbileli, patron Saint of the city, Ioane Sabanisdze, icon painting fresco, visual semiotic analysis.

DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-286-301

Reference literature (in transliteration):

Bulgakov S., prot. Pravoslavie. Ocherki ucheniya Pravoslavnoi Tserkvi. Kiev, Lybid' Publ., 1991, 147 p. (in Russ.)

Eliade M. Kosmos i istoriya. Izbrannyye raboty. Moscow, Progress Publ., 1987, 312 p. (in Russ.)

Freydenberg O. M. Mif ob Iosife Prekrasnom. *Yazyk i literatura*, 1932, vol. 8, p. 137–158. (in Russ.)

Freydenberg O. M. Mif i literatura drevnosti. 2nd ed. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1998, 800 p.

Hall J. Dictionary of Subjects and Symbols in Art. Transl. by A. Maykapar. Moscow, Kron-press, 1996, 656 p. (in Russ.)

Margaryan Ye. Most v armyanskoy i slavyanskoy mifopoetike. Germenevticheskiy analiz. *Critique & Semiotics*, 2011, no. 15, p. 5–24. (in Russ.)

Margaryan Ye. G. Mets Hayk' i yev Kommagenev hogevor arrnch'ut'yuneri patmut'yunits' (ark'ayakan hangstaran` ho teménos). *Patmut'yun yev krt'ut'yun*, 2005, t'iv 3–4. (in Arm.)

Margaryan Ye. G. Arshakavyanskaya ellinisticheskaya politeya i Grad Nesny Nersesa Velikogo. Moscow, RAU Press, 2007. (in Russ.)

Propp V. Ya. Istoricheskiye korni volshebnoy skazki. Leningrad, LSU Press, 1946.

Sabinin M. (transl.) Polnoye zhizneopisaniye svyatykh Gruzinskoy tserkvi. In 3 vols. St. Petersburg, 1871–1872. (in Russ.)

Sabinin M. I. Iverskiy Paterik: izdaniye etoy knigi posvyashchayetsya Novomuchenikam Rossiyskim i Iverskim. Moscow, 2006. (in Russ.)

Svyashchennik Pavel Florenskiy. Sochinenia. In 4 vols. Comp. and ed. by Andronik (A. S. Trubachev), P. V. Florensky, M. S. Trubacheva. Moscow, Mysl' Publ., 1994, vol. 1, 797, [2] p., il. (in Russ.)

Uspenskiy B. A. Semiotika iskusstva. Moscow, 1995, p. 221–303. (in Russ.)

Vasilik V. V. Bogosloviye muchenichestva v ranney gruzinskoy gimnografii: sluzhba sv. Abo Tbilisskomu. In: *Filosofiya, religiya i kul'tura stran Vostoka. Materialy nauchnoy konferentsii "Pyatyie Torchinovskiyechteniya"*. St. Petersburg, SPbSU Press, 2009, p. 103–113. (in Russ.)